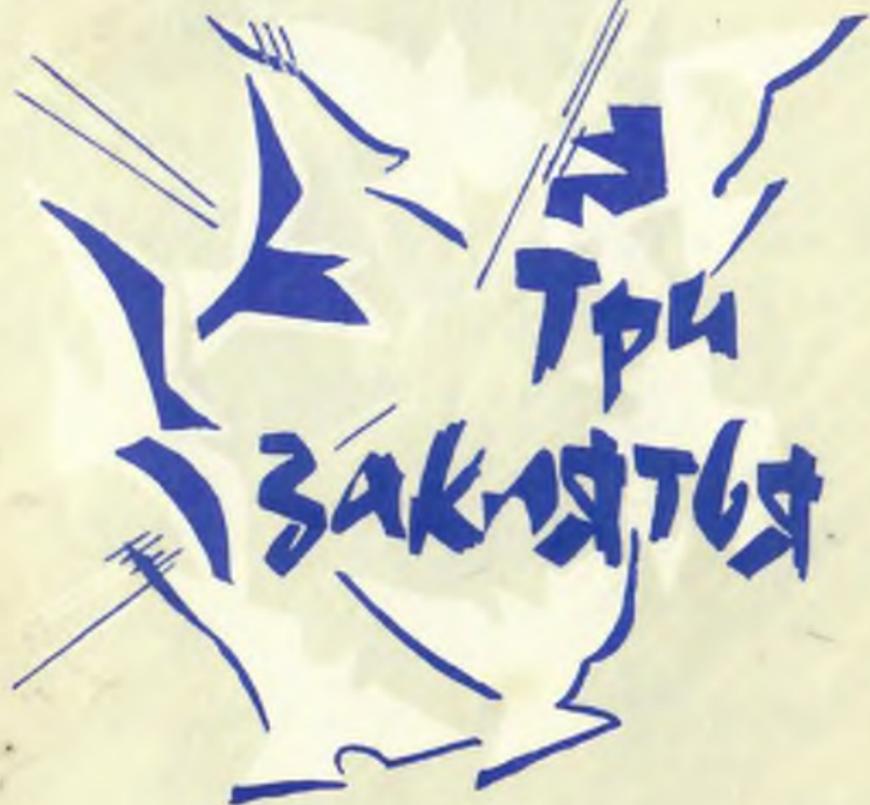

КТ 1224041

ВЛАДИСЛАВ
КОКОРИН

стихи

Владислав
Кокорин

Три защиты

К1 1224041

Стихи

Вологодской областной
библиотеке им. Бабушкина
с уважением и поще-
нием в немалой и
норой неблагодарной
работе ^{Вологда} ₁₉₉₃ её соавтор-
ков. От автора.

4.07.94.

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

Кокорин

Вологодская организация
Союза писателей России

Издание Бюро пропаганды
художественной литературы
Союза писателей России

Вологда
1993

PC
K53

P2

Кокорин Владислав Николаевич. Родился в 1955 году в деревне Шера Сокольского района Вологодской области. Окончил ГПТУ-28 города Вологды, работал на 23 Государственном подшипниковом заводе. В 1987 году закончил Литературный институт, заочно. Стихи публиковались в коллективных сборниках в Москве и в Архангельске.

**Под редакцией
и с предисловием
Александра
РОМАНОВА**

**Художник
А. ПУСТЫННИКОВА**

© Владислав Кокорин. Три заклатья.

К ИСКУПЛЕНИЮ ГРЕХОВ

Перед стихами, право же, не надо бы писать никакого предисловия, ибо стихи, как откровения жизни, не нуждаются в сопроводительной рассудительности. Однако на этот раз и промолчать невозможно: стихи Владислава Кокорина — явление не рядовое. Вынашивались они долго и сокровенно, когда каждое слово множество раз поворачивалось и опробывалось в душе поэта, чтобы, наконец-то, вкинуть в горячую новизну строки. И вот перед нами беспощадная правда жизни, ставшая самобытной поэзией.

Вологда знавала и знает много хороших поэтов, но вот в такого ироничного, как Владислав Кокорин, вглядывается впервые. По слову своему он родственен Николаю Рубцову и Сергею Чухину, но уже более городской, пролетарский, чем они. Есть в этой книге стихи поразительной силы: «Нелегка ты, родная стезя», «Памяти Рубцова», «В Тотьму идешь», «В поминальные дни», «Царапнула девица в автобусе ногтями», «Я так устал в дорогах суетливых»...

Сам себя Владислав Кокорин со скромной улыбкой назвал не поэтом, а стихоловом. Это знак требовательности к себе, ибо он понимает, что настоящие удачи в поэзии вообще очень редки. В облике его есть что-то гоголевское, грустно-проницательное. Да, он действительно зорко всматривается, как выражается сам, в нашу житейщину, в которой, увы, попирается нравственность. И вызывает своим словом к искуплению грехов наших.

Я радуюсь выходу в свет его талантливой книги.

Александр РОМАНОВ

Они щедры на пепелища,
России мрачные лета.
Когда не кровь течет — кровища,
И нет на вороге креста...

Нелегка ты, родная стезя,
Коли пепел летит на шеломы.
Коли кинули грады князья,
И холопы покинули дома.

Куликово ли поле в пыли?
То ли глазыньки застит от горечи?
Коли во поле том полегли
Все Добрыни, Ильи и Поповичи.

Коли вновь нам погибель пророча,
Черный воздух крылами пластая,
Поднимается стая за стай
Воронье по славянские очи.

И все явственней, явственней помнится,
Время давнее ближе и ближе,
Вот я вижу Мамаеву конницу,
И сермяжное воинство вижу.

Мы идем в поредевших рядах,
Все теснее смыкаясь плечами,
С заклинанием на устах:
Нас не высесть кривыми мечами!

* * *

Сосед играет на гармонии.
Играй, соседушка, играй.
Пускай очнется и застонет
Мой поздний гость и, через край

Горячий чай переливая,
Пусть запоет тебе вослед
О том, какая вековая
У нас печаль. И сотни лет

Над россиянином довлея,
С его рожденья до креста,
Его души не одолеет
И не замкнет его уста.

А с каждым днем в той песне вещей,
Несущей горечи печать,
Она звучит ясней и резче,
И невозможно промолчать.

ПАМЯТИ РУБЦОВА

Как понять роковую печать,
Что лежит на российских поэтах?
Как понять, что жестокою метой
Стала чаще нас жизнь помечать?

«Выбивает» таких сыновей!
Мать-земля, как ты их принимаешь?
Были ль дети на свете родней?
Разве снова таких нарожаешь?

Но довлеет проклятия дух
Над тобою, земная утроба:
Только примем младенца из рук,
И опять в карауле у гроба.

Кто там мелет, что «это судьба?»
Пусть-ка он, в этот час, вместе с нами,
Выпьет чашу твою, за тебя.
Захлебнется, сердешный, слезами!

Как понять этот «случай слепой?»
Как принять его мертвую хватку?
Я не знаю, кто там за тобой.
Знаю только, что все «по порядку».

92

ТОТЪМА

В Тотьму идешь, в гору идешь.
Из Тотьмы — летишь с горы!
А город хорош, чертовски хорош,
В разгар весенней поры.

Предки на диво взрастили сирень:
Кроны ее — терема.
Запах густой наполняет всклень
Улицы, скверы, дома.

В зарослях диких, у старой скамьи,
Утром встречаю туман.
Нет, не покинут тебя соловьи,
Вечное древо-дурман.

Ветер. Бутоны качнулись волной.
Росно. Тревожно. Светло.
Волны сирени плывут надо мной.
Медленно солнце взошло.

Медленно подал гудок пароход.
Медленно звук заглох.
Словно из темных дымящихся вод
Выдох донесся и вдох.

Ах, ты, сиреневый, Город-Тотьма,
Не ведаешь, где стоишь.
Сума не страшна, не страшна и тюрьма,
Когда на тебя поглядишь!

Двадцать шесть ударило, как выстрел.
Словно грянул звон колоколов.
Неужели ты состарился так быстро,
Владислав Кокорин — стихолов?

Что ты бродишь под старинным храмом,
В этом царстве мрака и мышей?
У него, у храма, тоже раны
На кирпичной запеклись душе.

Изнутри трещат его стропила,
Ветер дранку рвет с него и рвет,
Но стоит он, сам себе могила,
Сам себе — опора и оплот.

Так учись у камня векового,
На людей не ведая обид,
Утверждать и днесь: «Вначале... Слово...»,
И стоять, как он еще стоит.

Вы мне предсказали давно золотую судьбу.
Но так получилось, вы рано ее предсказали.
Успехам моим позавидовать можно едва ли.
Успехи мои улетели, как видно, в трубу.

Сижу пред огнем.

Залихватски стреляют поленья.
Веселые угли большой кочергой шевелю.
Угрюмые мысли не борются более с ленью.
В доме опустевшем
не плачу теперь, не шумлю.

Приходит иное.

С ветрами, над гулкой округой,
Тяжелые птицы летят и летят на жнивье.
А утром они загалдят и поднимутся к югу,
Быть может, для нас оставляя лесное жильё.

Летите себе. Дай вам бог, окрыленные твари,
Не сбиться с пути,

что назначен для вас на века.
Я выйду вослед,
и в промозглой предутренней хмари,
Быть может, в крыло
и моя превратится рука?

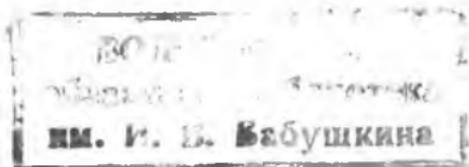
Тебе говорят — твое счастье под боком.
Оставь, дорогой мой, все лгут.
Ты знаешь — оно несказанно далеко,
И путь к нему тяжек и крут.

Что счастьем зовем мы, наивные люди?
Вот эту синицу в руке?
А кто журавля ненароком добудет,
Что скажем о том чуде?

Мы скажем, что он «оторвался от массы»,
Что жизнь его стала смешна.
Покуда он шлялся за птицей прекрасной,
Из дому сбежала жена.

Друзья отвернулись. Родня осторожно
Готовит измену ему.
И грустно тебе. И тоскливо, тревожно
С тобой журавлю твоему.

Вот-вот он ударит шальными крылами,
И сгинет в ночной окоем...
А жизнь тебя тотчас завалит делами.
И ты позабудешь о нем.

Бывать не могу на пустынном погосте:
Гнетет мою душу неведомый страх,
Когда восседают, как званые гости,
Угрюмые птицы на черных крестах.

Когда же огромной, роящейся массой
Взлетают они, опереньем шурша,
И громко кричат, — этот крик их ужасен.
Мне кажется, будто бы чья-то душа

Вот так, словно птица, от брэнного тела
Поднявшись, в холодной кромешной ночи,
То бросится вниз, то взлетит ошалело,
То вьется над ним, — и кричит, и кричит...

В поминальные дни,
приближаясь немного к разгадке,
Мы на жертвенный столик
пшеничное сыплем зерно...
Но слеза, что летит
вместе с ним на могильную грядку,
Изымает из нас, то что нам осознать не дано.

ВОИНУ

**Тыходишь в дом. Сложи оружие.
Тыходишь в дом — не воевать.
Здесь дети. Здесь отец и мать.
Садись с семьей за тихий ужин.
Ложись под вечер мирно спать.**

**Войне ты завтра будешь нужен.
ИМЕЙ же, что в ней защищать.**

Зарастаю неприглядной бородою.
По квартире по неприбранной брожу.
У окна стою, с лохматой головою,
Аки тать, во тьму полнощную гляжу.

Не видать во тьме ни зги, ни огонечка,
Только ветер стелет снежную постель.
Ох, лихая на дворе сегодня ночька,
Ох, коварна нынче матушка-метель.

Не меня ль она когда-нибудь поманит,
Да закружит где-нибудь среди могил?
Не за то, что я был грешен перед вами,
А за то, что я грехов не искупил.

А покуда я шатаюсь по квартире,
Половицы хриплым хором мне поют:
Не отыщешь ты покоя в этом мире,
А найдешь ты только временный приют.

Пойте-пойте, деревянные, косые —
Он не зря, мой дом, пустынен и убог:
Знаю, вспомнит мать родимая о сыне,
Да не выйдет встретить сына на порог.

Не меня ли ветром по свету носило?
Не упомнить, где я не был или был.
Вспомянет, да зарыдает мать о сыне.
Только сын дорогу к дому позабыл.

* * *

«...захоронено около полумиллиона кубометров загрязненного грунта, забетонировано 365 тысяч квадратных метров площадки АЭС...» (Чернобыль).

«Советская Россия», 31.01.1988

Черен снег.

Что вам нужно еще, — господа урбанисты?!
Вы Земле возвратили не семя от плода ее, —
Под бетонной коростой,
в запаянных тайных канистрах,
Для потомков созреет
достойное предков «сырье».

Вы талдычите людям:

«Мы сможем спасти человека».
Только вряд ли достанет
свинцовых на всех колпаков.
Потому что пленки уже и двадцатого века
Пéжит рыжая сажа, несомая «розой ветров».

От кислотных дождей

облезают деревья в Европе.
Гербициды таятся в грудном молоке матерей.
Дети ловят в ладошки
Чернобыля теплые хлопья.
И напитана ядом простая трава, —
сельдерей.

Ну так что же еще?

Что вам нужно еще, урбанисты?!
Все ль содеяли вы,
что предписано вам на Земле?
Опьяневший от смога,
меча сатанинские искры,
Призрак смерти витает
в нависшей над Городом мгле!

Засеваем землю стронцием.
То-то, будут нам «пары»!
Черт ли гонит нас, торопится
Ухайдакать в тартары?

Быль черна. Кому знамение?
Все. Да не до всех «дошло».
И опять я слышу пение:
«До чего же весело!»

Сладко слушать ух-мотивчики,
Волос вить на бигуди...
А ведь это были взрывчики,
Взрывы будут впереди.

Говорят, — прогресс. Развитие.
Что же это за прогресс,
Если скот за речкой Припятью
Травку серенькую ест.

Эх, срублю избу кондóвую.
Влезу с горюшка на пёчь.
Вас бы, ядерно-голови́ые,
В том Чернобыле испечь!

Кушай, детка, яблоко — румяное, токсичное.
Закусывайте, «алики», нитратным огурцом.
В век металлический весьма символично,
Что каждый упитанный пропитан свинцом.

Химией насытились и фауна, и флора.
Таблица Менделеева — ох, велика!
Дышим мы ртутью, дышим фурфуролом,
И всю эту таблицу съедим наверняка!

А что с нами будет, кому это известно?
Помрешь, тогда и выяснят —

от причин каких.

Нету ни дозиметров, нету ни тестеров, —
Проверяйте, граждане, на себе самих!

А о третьем заклятьи
скажу лишь тебе, — и молчок!
Да, я знаю, как только
его насекли на скрижалях,
Обвалились опоры,
что эти скрижали держали...
За любым из осколков —
былая твердыня!
Да, гремят эти камни
по отчей земле и поныне.
Но! ...на КАЖДОМ начертано кровью:
«Контроль и учёт!»

* * *

Увы, стократ права фортуна.

(из неоконченного)

Она права — все реже удивленье
Приносит нам счастливые плоды.
Скупее жизнь, строптивей вдохновенье,
И все ценнее прошлого труды.

Но век велик. И тяжело наше право —
Над старой песней молча умереть,
Приняв свое бесплодье, как отраву.
И, как спасенье от бесплодья, — смерть.

Она права. Не каждому навек
Дается страсть и жаркое горенье.
Слаб человек. И смертен человек.
Но, видит Бог, бессмертно Вдохновенье!

Так что нам скрип унылого пера,
И хмурый гимн прошедшему волненью,
Пройдем и мы, как жившие вчера.
Но будет путь иному поколенью.

Прекрасен белый цвет. Да здравствует зима!
Вокруг так мило все переменялось:
Исчезла грязь, назойливая сырость,
И по ночам не так кромешна тьма.
Зима. Давно желанная зима!

Ложится снег — неспешен, мягок, чист.
Ни ветерка. Душа не шелохнется.
И что-то в ней волшебное проснется,
И промелькнет волнующая мысль,
Что все на свете вечно остается,
И на любовь неистощима жизнь.

Да как же так — святая простота:
Вот хлынул ветер. Снег летит, клубится.
А на земле такая чистота,
Такой простор, что хочется молиться,
Рожденному без веры и креста.

* * *

Закружила метель устюженская.
Вроде был я не промах и хват,
Но не вынес участия женского
И сбежал от него в снегопад.

Бесноватая сила вселенская
Раскачала вокруг дерева.
Ах, метель ты, метель устюженская,
Да, девчонка, сорви-голова!

Ты откуда, такая красивая?
Колдовская, метельная дочь.
Совладать ли с твоею мне силою?
Пережить ли позорную ночь?

Ты кружила по садику частому.
Повторяла движенья пурги,
Словно птица в погоду ненастную,
Все сильнее сжимая круги.

Было жутко от профиля птичьего,
И от взмахов заснеженных рук.
Я не вынес страданья девичьего
И шагнул в этот бешеный круг.

Закрутило, забило, завьюжило —
Разгулялась стихия окрест!
Знать была ты бесценной жемчужиной
Изо всех поднебесных невест.

За тебя мне сражаться, лебедушка,
С этой силой уж было невмочь.
Но смирилась лихая погодушка,
Отдала мне метельную дочь.

Я не поверю, что ты не умеешь любить.
Разве в глазах у тебя

от любви не усталость?

Ты про себя говоришь мне:

Да полно, любезный, грубить.

Я принесла тебе все,

что от прочих осталось.

Радуюсь я на остатки, которые сладки,
Горечью вкус их ложится на губы мои.

Что говорить —

ты умела любить без оглядки.

Все разнесли молодые нахалы твои!

Нынче же ты считаешь любой поцелуй,
С легкой усмешкой меня обнимая вполсилы,
И никогда, никогда

ты не скажешь мне: Милый.

Не позабудешься. Что же... Балуй!

Ты размечталась забавно:

Ах, глупый мальчишка —

Старой кокетке, да мне ль

не скрутить его в рог?!

Если бы так! Но мальчишке

уж двадцать с излишком.

Будет тебе —

и любви, и измены урок.

Любовью Вас не удивить.
Что ж — удивим Вас не-любовью:
Пройдем, не шелохнувшись бровью,
Не будем Вам цветы дарить,

Не будем Вами обольщаться,
Глазами, ножкой восхищаться,
И говорить, что «свет не мил».
Довольно так я говорил!

И... пустим слух среди подружек,
Что я сказал: Найдем не хуже!
И вмиг завел себе роман
Среди веселых, пышных дам.

Толкуют, что одна из них,
(естественно, что Вас моложе),
Грехов не ведая моих,
Так втрескалась в меня! И тоже
Красавица!... Женюсь! — О, боже,
Гуляй по сердцу бич молвы!..

Так сами прибежите Вы!

Танюша, давай почитаем стихи.
Ты все-таки едешь. И все-таки в Сочи.
Что значат слова среди всей чепухи,
Что мы натворили с тобой между прочим?

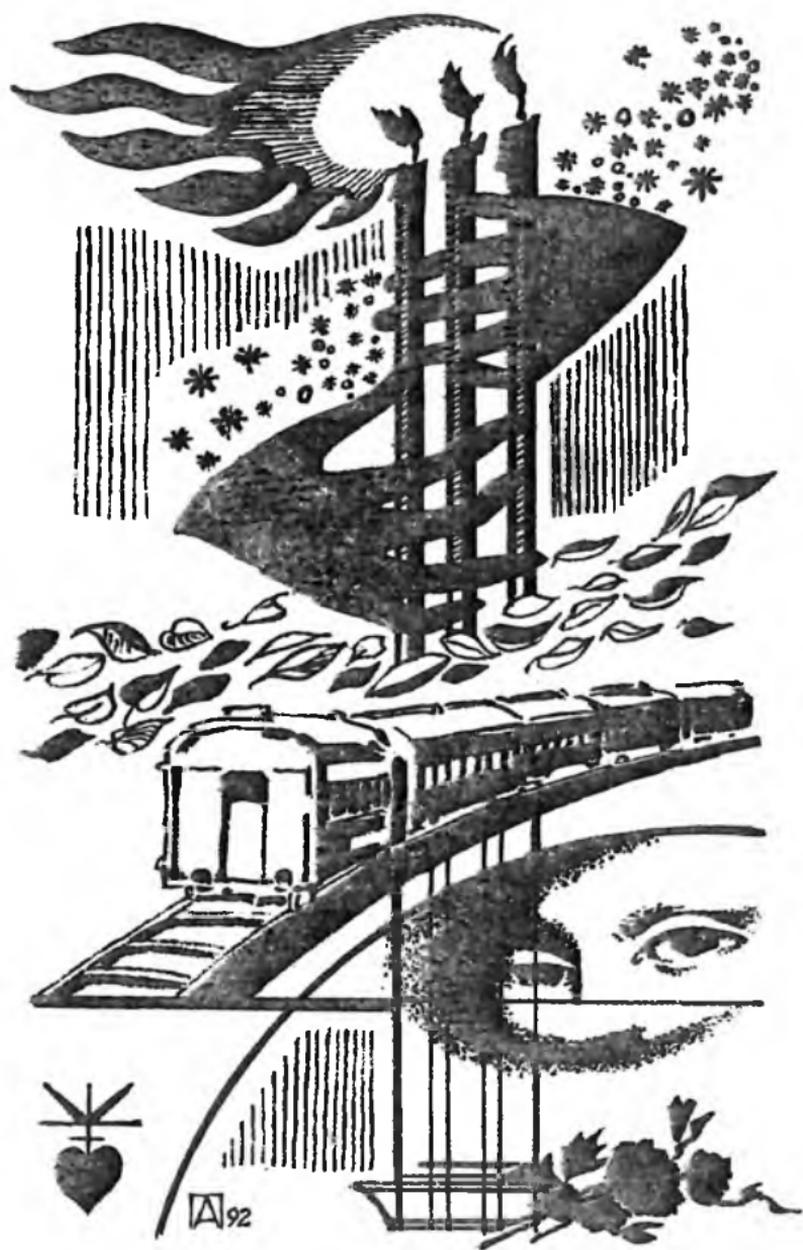
Что значат слова, не обретшие чувства?
И чувства, которые просто слова?
Быть искренней, девочка, все же искусство.
А все, что искусственно, так — половá.

Взгляни, как летят эти желтые листья,
Незримою силой влекомые с веток.
Вот также и мы через час разлетимся,
Два легких и быстрых, по белому свету.

Ты знаешь ли край, где сейчас уже иней
Хрустящей походкой выходит в поля...
Ты можешь ли знать, как больней и ранимей
С годами нежаркая эта земля?

Как нужно тепло ей и руки людские,
И как не хватает еще этих рук?
А ты мне про фрукты, про страсти морские...
Прощай. Не сердись.

Я ведь северный «фрукт».

* * *

Разрыв. Развод. — Печальная картина.
Клялись — навек. Расстались в одночасье,
А я-то, глупый, зарился на счастье,
И предрекал: Она родит мне сына!

Да, родила. — Прекрасные стихи!
Похвастаюсь, я принимал их роды.
Но никуда не деться от природы,
И проступили все ее грехи

На их лице, возвышенно и тонко...
Увы, друзья, я не узнал ребенка!

Не восклицай: Я не ищу красавиц чудных!
Не отторгай соблазна от души.
Они, соблазны, тем и хороши,
Что между дел, томительных и нудных,

Враз вскинешься! — И пыл в тебе, и прыть.
И ус кольцом. И глаз орлиным оком.
Да зачастишь таким гусарским скоком.
Да шпорой щелк! Да... что там говорить!

Она ж тебе — да по лбу от души
Ладонкой хлоп! И стой — и лоб чеши...
Они, соблазны, тем и хороши.

КТО ВИНОВАТ

Шально крутясь, весенняя вода
Зимы останки мимо нас влачила,
Дрова, кусты с кореньями крутила,
Стволы дерев играючи несла...
О, то была волнующая сила!

А ты меня кляла и поносила,
И я, бранясь, не удержал весла,
И вмиг лодчонку нашу подхватило
И понесло неведомо куда...

И долго мы среди обломков льда,
Неслись, подобьем Ноева ковчега,
Не видно было впереди ночлега —
Лишь мрак, безбрежность, стылая вода...

Казалось мне, вокруг несло не сор,
А дразги наших мелочных раздоров,
И неприязнь холодных разговоров,
И весь огонь неугомонных ссор.

Зачем же нам, зачем среди стихий
Случилось так нелепо оказаться?
Чтобы опять ни в чем не разобраться,
И мне об этом написать стихи?

Ну нет уж, дудки, — лучше этот мрак!
Хоть раз уступим силам непогоды.
Но ты упряма, ты кричишь: Дурак!
И сапогом отчерпываешь воду.

Согласен, ладно, — я дурак,
Пусть будет так. Мне жизнь пустяк!
Но если б мы не драли глотку,
Я удержал бы, может, лодку.

ВЕСНА

В лесу весеннем что-то есть от осени,
Когда ветра, мокры и холодящи,
Былой листвы замызганные космы
Несут по лесу гулко и гудяще.

Но ты постой, родимая, постой.
Улягутся, как листья, наши страсти.
В такой холодной роще и пустой
Бежишь, а, может, вон, за тем кустом
Увидишь страсть угрюмой и мордастей.

К чему искать защиты у нагих,
Захлестанных и ветром иссеченных,
Когда весна идет, как обреченный,
К своей петле, считающий шаги.

Уйдем, уйдем. Родимая, уйдем!
Дадим самой природе разобраться
Когда и что, чтобы и нам потом
Сюда прийти и глупо удивляться —
Какой зеленый, чистый, светлый дом.

Люби меня, покуда я не твой,
И над тобой царит очарованье,
Когда меня впервые за собой
Поманишь ты. Так сладостно мечтанье
О не своем, не веданном почти...

Таясь в ночи, безмолвной и безлунной,
Я прокрадусь, взволнованный и юный,
В Ваш чудный сад. И будет сад цвести!

И птицы будут плакать за рекою,
И звезды будут падать за плечо...
И, боже мой, как сердце горячо,
Когда оно трепещет под рукою.

Но минет ночь. Ты скажешь: Я твоя.
Навек, навек! — А хватит ли навеки?
(Они не зря сокрыты в человеке,
За сонмищем страстей, — загадки бытия!).

И если я
Упьюсь очарованьем,
И поклянусь на вечную любовь,
Кто скажет мне, оно родится ль вновь,
Умершее сейчас, — взаимное незнанье?

Что же ты мне не сказала,
Что на улице пороша?
Что тончайшим покрывалом
Снег на лес и доли брошен?

Что прилежные снежинки
Щедро выткали окошко?
Одевайся, побежим-ка
Нашей памятной дорожкой,

Снег искрящийся взрывая,
Возмутив покойный сон
Обновившегося края.

Где ж ты... Где ж ты, дорогая?
Нет тебя... Я засыпаю,
До счастливейших времен.

Сон идет. Все ближе, ближе...
Может, в нем тебя увижу?

Итак, это было на вербной неделе,
Когда голубой нарождается наст.
Любовь повелела, весна ль повелела,
Но что-то заставило встретиться нас.

В прозрачном лесу, в этом ивовом царстве,
Мы слушали зовы подснежной воды.
Кто мог нам сказать о весеннем коварстве?
Кто мог ощутить приближенье беды?

И кто виноват, что искристой капелью
Осыпала нас, осватила сосна?
Мы этого сами с тобой захотели.
Не говори, что виновна весна.

Не говори, что за долгой разлукой
Забудется этот счастливейший бред.
А, может быть, он будет памяти мукой,
И неизвестно на сколько там лет.

Молодая моя дьяволица,
Жил и я на восьмом этаже.
Но теперь я не помню уже
Лабиринтов чердачной столицы.

Где ходил я — такой виртуоз,
По карнизам, как вы по бульварам.
Мне спалось, видно, скверно недаром,
А тогда мне так скверно спалось.

Верхотура моя, высота!
Ты зачем мне дала возгордиться,
И забыть, что моя дьяволица
Может мне не открыть ворота.

Знают все, кто живет высоко,
Как мелькают порой среди ночи,
За окном — то ли чертовы очи,
То ли ангельский свет с облаков.

Нет, помилуйте, это не я
Заставляю бледнеть ваши лица.
Но живет среди вас дьяволица,
Кто летает к ней — бог им судья.

Не видели мы, как вдали поднялась непогода.
Не ведали мы, что вторженье ее заслужили.
В беспечном таком

и безветренном времени года,
Подумаешь,
птицы над нашею лодкой кружили

То к солнцу взмывая,
то снова скользя над водою,
Знобяще кричали
отчаянным чайчьем криком.
Но так и не поняли мы,
что в смятеньи природы великом
Смятенье встревоженной стаи чревато бедою.

И ветер ударил! И лодка метнулась на зыби!
И волны лихие забили с размаху в борты.
И рывкнул мотор,
и помчал нас над смертною глыбью.
Эй, милая! Крепко ли держишься ты?!

Ты знать не могла,
ты родилась в безводном районе.
Ты в страхе рыдала:
Куда же ты, милый, куда?!

Ты знать не могла,
что в воде никогда не утонет,
Лишь тот, кто умел не бояться ее никогда.

И рушились волны, и сила корежила силу.
И в реве природы казалось,
что я не кричу, а пою!
И я победил: мы ушли от озерной могилы!
Но ты не простила жестокою смелостью мою.

Ты задумалась о чем-то,
Веки дрогнули твои,
Слишком умная девчонка,
Заплутавшая в любви.

Я сижу себе с бутылкой —
Как же в гости без вина?
Ах, не взглядывайте пылко,
Не сильней моя вина

Красоты боготворенной,
Вашей, дикой, красоты.
Вам, бывало, даже «ты»
Я говаривал смущенно.

Но теперь иное время:
У любви жестока власть.
Мы навластивались всласть,
И тебе она уж — бремя!

Ты боишься? Полно, полно!
Я не муж средневеков,
Не придумаю оков —
Разойдемся полюбовно.

Мне ль нужна твоя неволя?
Зря ты, милая, бледна.
Наливай-ка лучше, что ли,
И допьем... любовь до дна!

Вот сладчайшие из зелий:
Счастья, радости, любви,
Восхищенья и веселий!
Но молчат глаза твои...

Только зря: обидно мало
Этих зелий на земле,
Даже мудрым и уда́лым,
Даже видящим во мгле.

Знай — из горестного моря
Пить бы мы предпочитали,
Так давно б с тобою стали
Алкоголиками горя
И пропойцами печали.

Ну что за бес в тебе сидит,
Негодная чертовка?
То злит меня, то рассмешит,
То вдруг, раз-два, и ловко
Подъедет этакой лисой
Ко мне, и я уж сам не свой!
И вновь прощаю я тебя.
Но ты целуешь не любя,
И замыкаешься в себя.
И вот уже передо мною,
Ну право, чистым сатанюю
Грозишься выйти из себя.
И говоришь: Тебе женою
Я буду, черта возлюбя!

Так чтобы черт и взял тебя?!

Ты говоришь,
 что мне поздно и зряшно любить.
Ты говоришь,
 что права мы с тобой потеряли:
Слишком легко мы любовью с тобою играли,
Взрослые игры жестоки — отмщению быть!

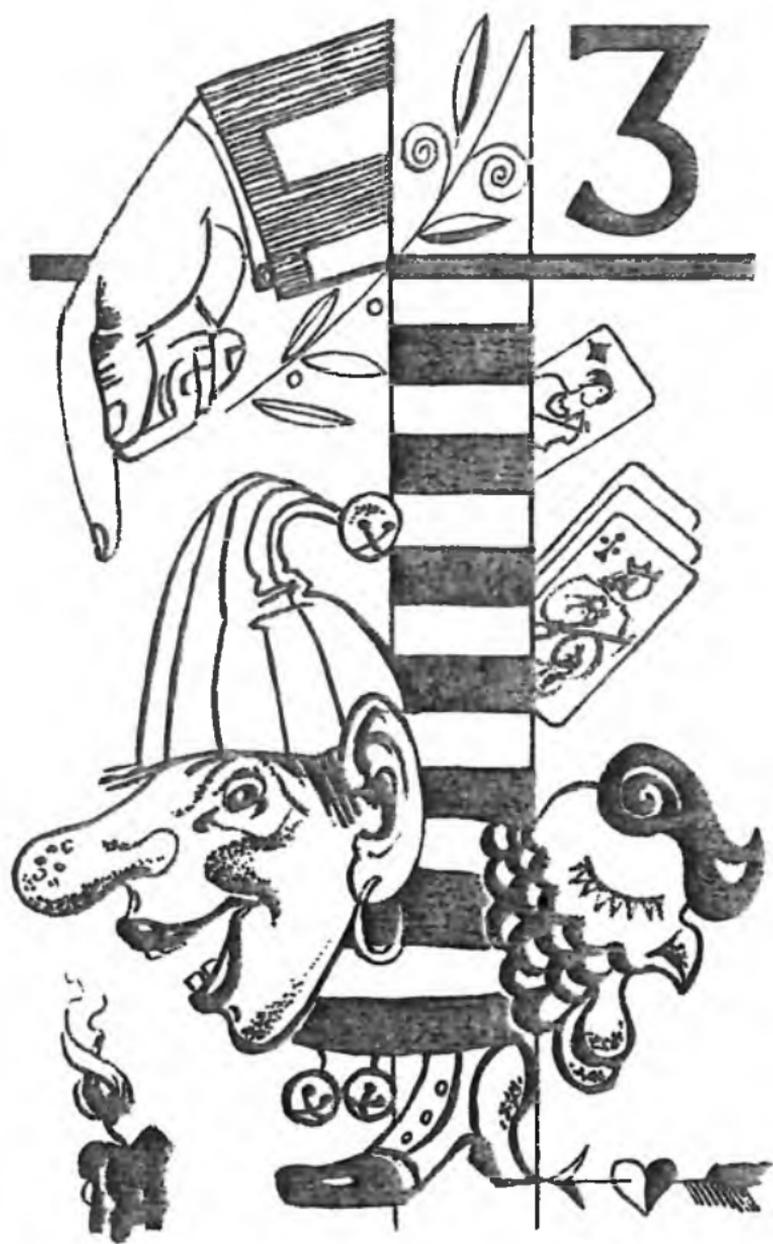
Хлынет на нас, торопя расставание, дождик.
Крыши железные ропот подымут под ним.
Будет клубиться из труб выползающий дым.
Будет мальчишка
 из форточки строить нам рожи.

Будет мне ветер распахивать полы пальто,
Будет в лицо мне
 швырять отсыревшие листья.
Дверь прогремит,
 но за ней не заплачет никто —
Слезы небесные, вы по любви пролилися.

* * *

Не зря так убивались соловьи.
Не зря играл в ветвях так шало ветер.
Кричала ты: Лови меня, лови!
Я пропаду, как эти соловьи!
Уйду, растаю, сгину на рассвете...

И волновались волосы, как ветви.
Глаза слепил безумный свет зари.
Дари меня себе, родной, дари!
Пускай закат от зависти сгорит,
А ты люби, люби — не говори,
За нас сегодня соловьи в ответе!

* * *

Я так устал в дорогах суетливых —
Особенно, когда попутчик пьян,
И все сует, сует тебе стакан,
Или когда не в меру говорлива,
В купе завалится толпа цыган...

И вот, стреляя хитрыми глазами,
Одна из них гадает для меня:
Казенный дом, немилая родня...
Эх, молодой, ты выйди лучше с нами —
Уж мы отыщем для тебя коня.

Я подарю тебе рубашку мужа,
А коль заслужишь, подарю себя.
Но я смеюсь, и вот она, грубя,
Уж говорит: Да очень ты мне нужен!

Права она, развязная, права:
Зачем мне дым цыганского раздолья?
А ей — мои угрюмые слова
О том, что град побил всю рожь на поле.

Чего им наши бранные дела?
И вот, подняв поджарые тела,
Они сошли на станции невзрачной.
Встречала ночь их холодно и мрачно,
Как будто их прибытия ждала.

Я скорбно думал, глядя им вослед:
Куда пошли они, в какие дали?

Как вдруг взорал проснувшийся сосед:
Украли! Водку, сволочи, украли!

Такой поднялся тут переполох,
Вскочили все, узлы пересчитали.
«Ах, дорогие, плохо ж вы кричали,
Коль он вас рядом услышать не мог».

И вот сосед со мной не говорит,
Все торбу держит, взгляд его настырен.
Смотри до дыр меня не просмотри!
Гадали, да. Я с ними говорил,
И песни пел, и выходил курил...
А вот уснешь, возьму, и торбу стырю!

БЕССОННИЦА

Бессонницы несносны времена.
Когда гнетет бестемье и бессловье,
И все острее боль былых утрат,
Притащится, развязна и вредна,
Закурит, сядет возле изголовья
И не уйдет, мерзавка, до утра!

Но славен день — ведь утром на работу,
И, подчинясь кружению забот,
Забудешь эту, грустную, заботу
И заключишь: Да здравствует завод!
За отдаленье надоевших тщет.
Как матерьяльный стимул. И вообще.

Царапнула девица в автобусе ногтями,
Торопилась выскочить на остановке своей.
Взмахнула нечаянно рукою с перстнями,
Чиркнула, как бритвой, по шее моей.

Я погладил, морщась, саднящие ссадинки,
Посмотрел размашистой девице вослед:
Плащ змеиной кожи, брюки, как на всаднике,
Только что «смит-вэссона» на поясе нет.

А ногти длиннющие, ну прямо когти,
Цветом кровавым крашены к тому ж —
Коль она не замужем, так вы в них попадете,
Если же замужем, так бедный муж.

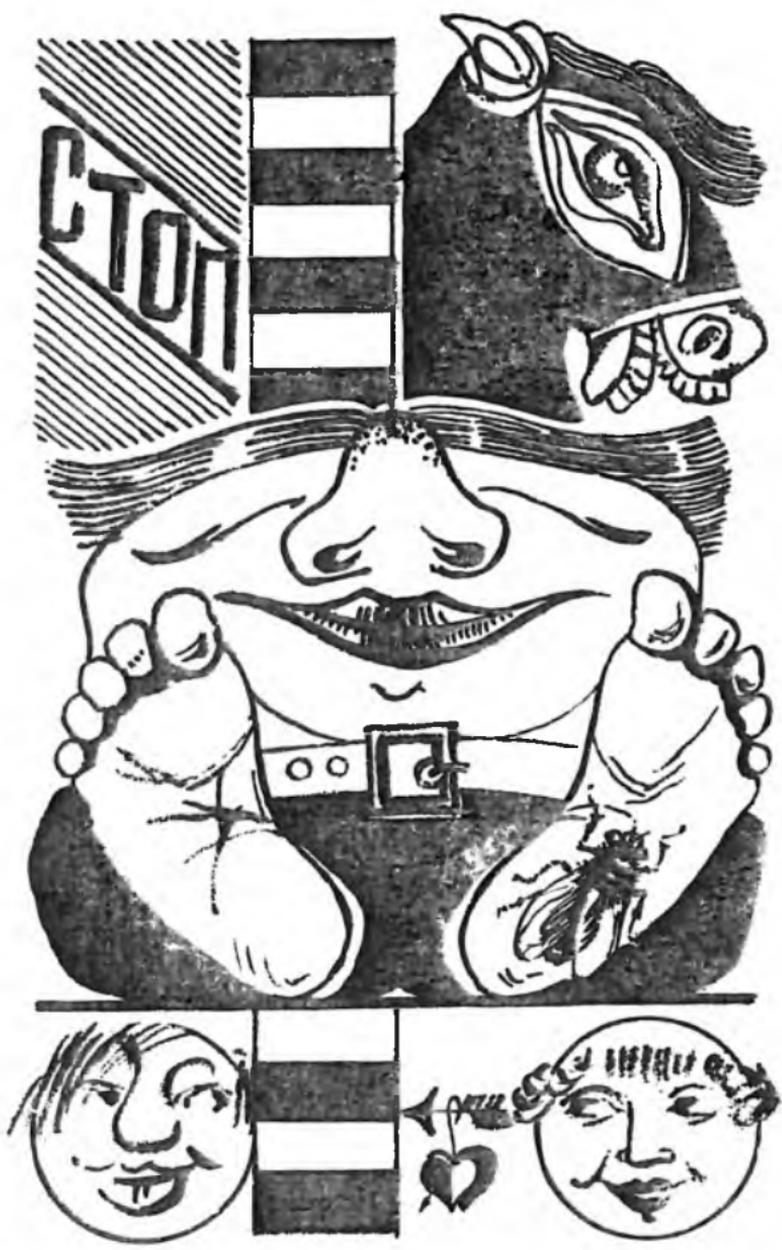
И вот летит, родимая, колет и режет,
Такая танкеточка в фирменной броне.
Ох, братцы, встречались бы такие-то пореже,
Уж больно что-то часто встречаются оне!

* * *

Залетали мухи в доме:
Зуд-зуд, зуд-зуд...
По стеклу ползут, ползут.
У меня над головой
Ходят гордые собой.
По узорчатым обоям
Так гуляют и по двое.

Я их тапкой не луплю,
И «липучек» не куплю.
Пусть летают, пусть кусают.
Я б и сам кого куснул!

Твари зря не залетают —
Твари чувствуют весну.

* * *

Ах, ты злыдень, комаришка-кровосос,
Ты работаешь, как маленький насос:
Упираешь хоботишко, словно шланг,
Напрягаешься — и кровушка пошла.

Наполняется живот-резервуар...
Вот уж ты не комаришка, а Комар!
Начинаешь ты ножонками сучить:
Эх, потолще б Комариху залучить.

Да по улице Комáринской пройти,
Порасталкивать народец на пути.
Да спихнуть кого-нибудь пичуге в пасть,
И опять усохнуть... Как пропасть!

* * *

Мне дерзости былой теперь не достает.
Ну муза у меня — сквалыга, скупердяйка.
Швырнет словцо и тут же отберет,
А уж ловка, попробуй-ка поймай-ка!

А дразнит как, помилуй и спаси:
В меня оставит наглые гляделки
И, мерзко так, козлом заголосит,
И не стихи идут, а «недоделки».

Ну, нету слов! Эй, милая, постой,
Подкинь одно-другое, «для навару».
Да как же — даст: умчалась, хвост трубой.
Нет, не видать мне нынче гонорару!

* * *

О грядущем не гадая,
Шутим все, что жизни две...
Только вот она — седая
Волосинка в голове.

...На гулянку собираючись,
Вырву эту волосиночку.

(из неоконченного)

В двадцать два сесть не рано ли?
Если волосы до плеч,
Если юность окаянная
И не думает беречь,

Что-то там для дальней старости,
Для спокойного житья,
С чувством праведной усталости
И печалью забытья,

С упованием на грядущее...
Только как там ни гляди —
Путь-дорога для идущего
Все короче впереди...

Так гуляй, красавец писанный,
Не стриги свои кудриночки.
Доживешь и ты до лысины —
Дергай, знай, по волосиночке!

* * *

Одноглазая швейцарша
Не пустила в ресторан:
Вы в потрепанном костюме!
Делать нечего у нас!

Видно, с кем-то продолжая
Неоконченную свару,
Так сказала, глаз нацелив:
За границей это можно,
Ну а в Вологде нельзя!

Я ответил: Дура-баба!
Надо думать, за границей
Ходят пить, как на работу?
А у нас, сие за праздник
Значит надо почитать?!

* * *

Согреем самовар. Не будем пить вино.
Приятель мой, не каждому дано
Сознание трезвости среди лихого пира.
Зато уж нас придирчивая лира
Не забранит. Не скажет: Ну-у... опять,
Пошел меня, как курицу, щипать!

Виват же трезвый взгляд!
Пускай о нас небрежно говорят
Стремящиеся к Вакховым пирам.
Он древен, Вакх. Он бог. А где уж нам...

* * *

Приходит к вам друг
и садится играть в «дурака».
И ты каждый вечер
его в «дураках» оставляешь.
Конечно, смешно
обольщаться в таких пустяках,
Но дело-то в том,
что ты в карты прескверно играешь!

Жена же смеется:
Помилуй, ты в карты мастак!
Не знала, не знала. Откуда такие успехи!?
Ты с нею не споришь.
Вот, думаешь, будет потеха,
Коль вечером он, а на утро — я буду дурак!

Прощай, мой милый забулдыга,
Любимый сердцем хулиган, —
На «барахоловке» за книги,
Ты отдал пьянице наган.

Лети, веселая игрушка!
Пускай на книгах грязи много,
Того грязней, но это Пушкин,
Того замызганнее — Гоголь.

Ведь вот исчадьё бытия —
Торгаш на книгах развалился.
Хмелен. И грузен, как свинья.

Скорей за пазуху, друзья!
Я, видно, вовремя явился.

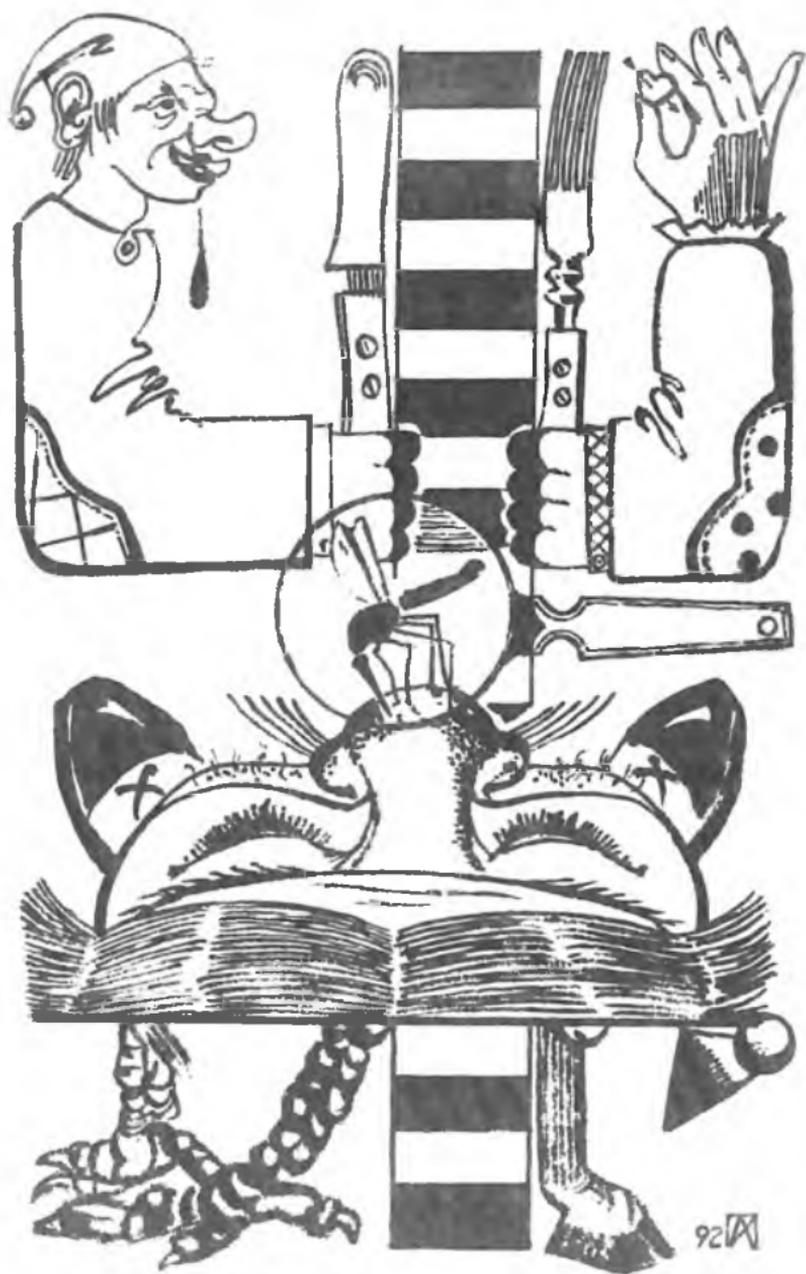
Надел все белое, как белая ворона,
Пошел гулять к себе в микрорайон,
Своим бездельем умиротворен,
И в то же время, как бы обворован.

Но горд собой, и с важностью иду.
Смотрите все на белую ворону!
Она несет безделия корону,
Всем деловым пичугам на беду.

Житейщина! — Остепенись,
Давай немного погуляем.
Порыв души незамением,
А жизнь — она проходит, жизнь.

Мне тоже утром на работу,
Но за оградой соловьи
Поют, канальи, о любви,
За все невзгоды перелета.

Я им немного подпою.
Виват, артисты из-за моря!
За песню вольную свою
Мы уплатили взносы горя!

«Дружок, не рано ли на лавры
Собрался ты? Ой, рановато,» —
Промолвил, Некто, — «Доля правды
Мала! И рифмы слабоваты.

Да, и она, изысканная муза,
Боясь раздора, брани и конфуза,
Заходит реже. Так что не спеши
Вопить о силе тела и души...

А выйди-ка на улицу,
И первого прохожего
Попробуй-ка спроси:
Вы знаете такого-то,
На Гоголя похожего,
Еще он часто хмурится,
И песни голосить
Горазд бывает...

А прохожий,
С размаху, — тресь тебе по роже!
Я извиняюсь — по лицу.
Ой, не ходи на улицу!»

По прочтении книги В. Белова
«Все впереди»

* * *

**Евгений Гангнус с Раппопортом
Надысь поехали в Париж.
В Париже отдыхал с комфортом
Небезызвестный Миша Бриш.**

**Сказал им Бриш такое слово:
Ребята, надо «съесть» Белова.
Ответил Раппопорт: Отнюдь!
Пусть он укажет русский путь.**

**Евгений встрял: И я согласен,
ОДИН Белов нам не опасен.**

**К тому же он «не у руля»,
И нас «не гонят с корабля».
Итак, решение таково:
Представим к ордену его!**

А я в Германии издамся, —
Сказал один приятель мой.
Пойду, — сказал, — буржуям сдамся.
Я двадцать лет терпел «застой»!

А рукописей у меня мешок!
Не на одну, пожалуй, книгу.
Небось, в «Сов. писе.» будет шок,
Как покажу из Бонна фигу.

Да что, печатают «муру».
А у меня стихи «железные».
Пишу, пишу — все бесполезно.
Наверно, ждут, когда помру!

Сперва поэта уморят,
Потом народу говорят:

Вот, — убережь мы не сумели...
Он был талантливый поэт,
А жил без денег на обед.
А мы... его мы просмотрели.

Да полно, — вы его и съели!

Ох, тяжело жить на этом скверном свете.
А и на тот идти охоты нет.
Пора бы нам, любезные поэты,
Меж этих двух и свой придумать свет.

Чтоб всякий был туда не вхож,
Довольно здесь похабных рож!
А к двери вывеску прибить:
«СТОП» (Графоманам не входить).

Не говорю, что боги мы, —
Что отречься от сумы,
И от тюрьмы, и от дерьма...

Мне жизнь поведала сама:
«Во мне и вправду счастья нет.
Я зла от шляпы до штиблет.
Стреляйся, скаредный поэт!»

Ну... раздобыл я пистолет.

Никто! мне не сказал: Постой!
(А торгаши меня надули —
Патрон всучили холостой,
И в нем затычка вместо пули).

Я — хлоп в висок!!
Тут кто-то крикнул:
Колом, колом его по тыкве!

Но зря он мне в макушку метил,
Я проживаю в «СРЕДНЕМ» свете.

Веду спокойный образ жизни:
Вина ни грамма, в день — три сигареты.
Пишу зело. И с музою капризной
Сейчас в ладах...

Приятели-поэты,
Сознаюсь я: скандалил и шумел,
И утопить в вине ее хотел,
И отравить, беднягу, никотином...

Но день настал — я видел, как Пегас
Вез одного нетрезвого из нас.
И тот вопил: Ну что же ты, скотина?!
Вези живей!
И дергал удила.
А муза что-то глупое плела
И все поэту бедному мешала.
И правил он не влево и не вправо,
И так лупил Пегаса по бокам,
Что тот взлетел свечою к облакам
И... сложил крылья. И упал с небес.
Куда? — В болото! И в трясину влез.
В могучий ил вогнал себя по грудь,
Решив, что здесь позволят отдохнуть.

Но тут друзья, окрестность оглядев,
А оглядевши, мигом протрезвев,
Взорали разом: Дряхлый идиот,
Ты что, совсем не видывал болот?!
Иль позабыл, где лопаешь овес?
Ведь ты куда? — В трясину нас завез!

Был справедлив его ответ:
Слезайте, дурни, — толку нет.

* * *

Что делать мне, когда во мне разлад?
Когда, устав от смуты и от склоки,
Я вдруг бранюсь иль плачу невпопад.
То тешат плоть сокрытые пороки.

Бежит родня, пугаясь, плачет дочка.
О, бес нутра! Стори и пропади!
Ты плоти царь, сей скверной оболочки, —
Так царствуй в ней, но вон не выходи!

Ужо тебе! Вот выеду за город,
Залезу в чащу, в дебри! Заору
Что силы есть! Насколько сможет горло.
Изыди бес! Ты мне не по нутру!!

СТУДЕНТУ-ЗАОЧНИКУ

Студент, мне жаль тебя, беднягу!
В науку, поднатужа плечи,
Ты впрягся, словно в колымагу.
Смотри, везти ее далече...

Ты впрягся, что ж — бросать негоже!
Пускай в повозку норовят
Взобраться: быт и даже блат,
И женщины... Прости им, боже!

Все ерунда, все — ерунда!
Тащи, коль тащится покуда.
Они приедут не туда!
Верней туда, да не оттуда...

ЭКСПРОМТ

В тридцать лет — уже «пузцо»,
И одышка у бедняги,
И довольное лицо...

Что вы там ни говорите,
Не жиреют — работяги,
Не худеют — паразиты!

ТРУЖЕНИКУ

В трудах ежедневных чудный взлелеешь плод,
Построй обязательно вокруг сада ЗАБОР.
Через эту ГРАНИЦУ шагнувший,
Будет тебе антипод,
Проще говоря — вор.

ПАРОДИИ, «ХУЛИГАНСКИЕ» СТИХИ

Ах, Александр, ты был повеса,
Как я сегодня хулиган...

С. Есенин

РАБЫНЯ БАБРАРА

Говорит старуха деду:
Я к внучатам не поеду.
Не поеду и на дачу,
Я с богатыми поплачу.

Пусть не доена корова,
Пусть коза моя блеёт,
Без экрана голубого
Не советский я народ.

Знают власти, что народу
Надо бить не в глаз, а в бровь,
И купили за границей
Кин про горькую любовь.

Я в Изауру влюбилась,
И Бабрару я люблю,
Пусть они хоть двести серий
Будут плакать и рыдать.

Наша партия родная
Приучила нас к кину.
Если выстрелят оттуда,
Я и то не отойду!

Упаду я покрасивше,
На палас роняя кровь.
Эй, старик, — храпи потише!
Погибаю за любовь.

ПЕСЕНКА ЭМИГРАНТА

Мне не нравилась припевка
У советских у людей:
«Пастернак и сельдерей,
Что не овощ — то еврей»...
Я в Америку уехал,
Я иду по Брайтон-Бич.
Из окна несется клич:
«Евреи, евреи...
Кругом одни еврей!»

СКОРОГОВОРКА ПОЛИТИЧЕСКАЯ

Ехал грека через реку,
Видит грека — раков нет...
Ну, он взял, да и поехал
Сразу прямо в Моссовет.
Москвичи теперь толкуют:
Во-он, где раки-то зимуют ..!

ПОЭМА-ЗАЯВЛЕНИЕ
(в службу знакомств)

Я совсем еще не старый,
Никаких привычек нет...
Вот, пишу вам заявление:
Познакомиться хочу!

Я «не ниже и не выше»,
Зубы вставлю, если что...
Есть квартира, дом в деревне.
Дети выросли давно.

Я с женой не разводился —
Я морально очень строг.
Вот, она мне заявление
Помогает сочинять.

А живет она, вообще-то,
На другом конце страны.
Дом в деревне весь трухлявый,
А квартира тёщина.

Я никак не понимаю,
Что никто не догадался,
Чтобы сделать клуб знакомства
«Для тех, кому за семьдесят?»

Потому пишу вам тоже
(я по всей стране пишу):
Познакомлюсь со спортсменкой,
Потому что сам спортсменом
Был я сорок лет назад.

Фотографий мне не надо,
Я не вижу ни черта.
Но без серьезного намерения
Письмо прошу не рвать!

Ж-Ж-Ж...

(пародия на популярную песню)

Вокруг тебя ажиотаж,
Тебя берут на abordаж,
Ведь ты вдвоем, но не со мною.

Я говорю тебе: шабаш!
К чему нам этот антураж?
Хоть ты вдвоем, и не со мною.

И я зову тебя в шалаш,
Ведь я купил тебе трельяж.
Но ты садишься в экипаж,
И вот шофер включил форсаж.
И ты вдвоем, но не со мною.

И так вояж, и так — вояж,
Потом вираж, потом мираж.
Потом загрузите багаж
И возвращаетесь в гараж.
Ведь ты вдвоем, ты не со мною.

Мне доктор сделает массаж.
Я закажу вам эпатаж,
Коллаж, пассаж и макияж,
Хоть ты вдвоем и не со мною.

Продам трельяж, куплю муляж,
А заодно большой лаваш.
Схожу с лавашем в Эрмитаж,

И, нагладевшись на пейзаж,
Лаваш упрячу в саквояж.
Полезу на восьмой этаж!
Пока не кончится мандраж...

Ведь ты вдвоем, ты не со мною.

Сколько проклятых душ,
Искалеченных сломанных судеб, —
За веселой наколкой
На каждой отдельной груди!
Будьте ж прокляты вы, —
Всех времен «благородные» судьи,
Всех республик,
Колоний и штатов лихие вожди!!

ИММУНОДЕФИЦИТ

(на публикацию в «Литературной газете»
о средствах профилактики СПИДа)

Ну что, писатели?.. Поэты?
Да чтоб из вас чернила вон!
«ЛИТЕРАТУРНАЯ газета»
Пропагандирует... «г...н»!!

Коль нет ума у санпросвета,
Чиниться прессе не резон:
От СПИДа спрячемся... в «г...н» —
Сказала толстая газета.
Есть упущенья в деревнях, —
Поведал нам «отдел науки».
Там в дефиците эти штуки,
А СПИД заявится на днях.
Мы опоздали, спору нет,
Уже в «г...х» вся планета.
Уже у негров сей предмет
Теперь заместо амулета.
У нас же даже молодежь
Не смыслит в этом ни бельмеса.
В новейших достижениях секса
Она безграмотная сплошь.
А стыд... Ну что такое стыд?
У нас на глупости на эти,
В родной, еврейской, «Лит. газете»,
Давно — иммунодефицит.
Не ждали мы себе добра.
Ан, СПИД валит из-за кордона.
Вперед, Сионская гора!
Вперед! Оденем Русь в «г...ны»!!

ПАУКАМ РОССИИ

Они «антабус» сыплют в водку.
Сожрали палтус и селедку.
А нам велели отравляться,
И мелкой килькой пробавляться.
У них большое слишком брюхо,
Оно к славянским бедам глухо.
Обидно то, что наши гады
Нашлись. Откуда и взялись!?
И за подачки и награды
Им с потрохами продались.
И пьют коньяк, и жрут икру.
Естественно, не из морской капусты!
Но пусть им всем не будет пусто,
Я и с картошки не помру.
Они, держась за жирный кус,
Вот здесь и обретают муки.
Народный стол предельно пуст,
Зато у нас свободны руки.
И я, вот этими руками,
Хочу, полсвета обниму.
Хочу, возьму приличный камень
И... по заслугам кой-кому.

А вы,

Вы — мерзкие и злые пауки,
Ведь вы Россию рвете на куски!
В свое вселенское рыгающее брюхо
Все тащите, что в лапы попадет.
Давно уже доверчивый народ
Хрустит у вас в зубах, как будто муха.

Как эта гнусь совсем не съела нас!?
Знать золотые зубы перетерла
О кость славянскую. Сограждане,
СЕЙЧАС
Давайте встанем поперек их горла!!

Подражания Козьме Пруткову

О «ЯРЛЫКАХ»

Для каждой эпохи свои «ярлыки».
Раньше карались «народа враги»:
Попы, монархисты, шпион-диверсант,
Нэпман-барыга, купец-коммерсант,
Кулак, подкулачник, буржуй, мироед...
Всех их сожрал Мировой Комитет!

Наша эпоха шустрей и бодрей,
Список короче, но образ острей:
Только один и поставлен на вид —
«Красно-коричневый антисемит».

«СТАТУС КВО» — 1980 (СССР)

Три основных постулата:
 Дача,
 Квартира,
 Зарплата.
Ну, и, мечтаний вершина,
 Собственная
 Автомашина.

«СТАТУС КВО» — 1992 (СНГ)

Превратили державу... в желудок!
И не могут теперь накормить.
Потому что, — последний ублюдок,
«Как в Америке» хочет пожить.

* * *

Бывают заблужденья хороши,
Когда ты заблуждался от души.
Но если ты всю жизнь «прозаблуждался»,
То значит так «бараном» и остался.

Чеши меня на свой манер,
Чеши, витийствующий критик:
Ах, вы стихи пересмотрите,
Вот здесь неправильный размер.

А здесь немного сыровато,
Да и метафора плоха:
Она торчит подобьем ваты
Из швов добротного стиха...

И — полно, милый, что за муть
В твоих речах общеизвестных?
Поэту ругань даже лестна,
Не опоздай его ругнуть!

Да по соплям его! По носу!
Сплети ругательства в кулак.
Ну, размахнулся? Хлесть! — Вот так,
Чтоб он стихи писать не бросил.

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Нелегка ты, родная стезя...»	9
«Бесчинство природы, прекрасно твое проявление...»	10
«Сосед играет на гармонии...»	11
Памяти Рубцова	12
«В Тотьму идешь, в гору идешь...»	14
«Двадцать шесть ударило, как выстрел...»	15
«Вы мне предсказали давно золотую судьбу...»	16
«Тебе говорят — твое счастье под боком...»	17
«Бывать не могу на пустынном погосте...»	18
Поминальные дни	19
Воину	21
«Зарастаю неприглядной бородою...»	23
«Черен снег. Что вам нужно еще...»	24
«Засеваем землю стронцием...»	25
«Кушай, детка, яблоко — румяное, токсичное...»	26
Три заклатья	27
«Она права — все реже удивленья...»	29
«Прекрасен цвет. Да здравствует зима!...»	30

II

«Закружила метель устюженская...»	33
«Я не поверю, что ты не умеешь любить...»	35
«Любовью Вас не удивить...»	36
«Танюша, давай почитаем стихи...»	37
«Я бога молю, чтобы ты не вернулась...»	39

«Разрыв. Развод. — Печальная картина...»	40
«Не восклицай: Я не ищу красавиц чудных!...»	41
Кто виноват	43
Весна	45
«Люби меня, покуда я не твой...»	46
«Что же ты мне не сказала...»	47
«Итак, это было на вербной неделе...»	48
«Молодая моя дьяволица...»	49
«Когда-нибудь ты рассмеешься над глупым поэтом...»	50
«Не видели мы, как вдали поднялась непогода...»	51
«Ты задумалась о чем-то...»	52
«Ну что за Бес в тебе сидит...»	54
«Ты свари в той посуде...»	55
«Ты говоришь, что мне поздно и зряшно любить...»	56
«Не зря так убивались соловьи...»	57

III

«Я так устал в дорогах суетливых...»	61
Бессонница	63
«Царапнула девица в автобусе ногтями...»	64
«Залетали мухи в доме...»	65
«Ах, ты злыдень, комаришка-кровосос...»	67
«Мне дерзости былой теперь не достает...»	68
«В двадцать два сесть не рано ли?...»	69
«Одноглазая швейцарша...»	70
«Согреем самовар. Не будем пить вино...»	71
«Приходит к вам друг...»	72
«Прощай, мой милый забулдыга...»	73
«Надел все белое, как белая ворона...»	74
«Дружок, не рано ли на лавры...»	76

«Евгений Гангнус с Раппопортом...» . . .	77
«А я в Германии издамся...»	78
«Ох, тяжело жить на этом скверном свете...»	79
«Веду спокойный образ жизни...» . . .	80
«Что делать мне, когда во мне разлад?...»	81
Студенту-заочнику	82
Экспромт	83
Труженику	84
«Ко мне пришел читатель рядовой...» . . .	85

ПАРОДИИ, «ХУЛИГАНСКИЕ» СТИХИ

Рабыня Бабрара	87
Песенка эмигранта	88
Скороговорка политическая	89
Поэма-заявление	90
Ж-ж-ж...	92
Стена	94
Иммунодефицит	96
Паукам России	97
Подражания Козьме Пруткову	
О «ярлыках»	98
«Статус кво» — 1980 (СССР)	98
«Статус кво» — 1992 (СНГ)	98
«Бывают заблужденья хороши...»	99
«Чеши меня на свой манер...»	100

Владислав Николаевич КОКОРИН

ТРИ ЗАКЛЯТЬЯ

Стихи

Технический редактор С. Н. Зазулина

Корректор А. Д. Чухина

Сдано в набор 22.04.93. Подписано в печать 25.10.93.
Формат 70×90¹/₃₂. Бум. кн.-журн. 60 г. Гарн. ТТ.
Офсетная печать. Уч. л. набора 3,58. Усл. печ. л. 3,25.
Уч. изд. л. 3,8. Тираж 3000 экз. Зак. 67(С).

Цена свободная.

Полиграфцех ПО ВОМЗ
г. Вологда, ул. Добролюбова, 76

500 p.

